

Василий Игнатъев (4)

Пропил Васенька свой тугой лук,
Заложил калену стрелу,
Лежит он на печке, на муравленке
В одной рубашке без поеса,
В одних чаблетах без чулочиков.
Во то пору, в это времечко
Поднялся на стольне Киев-град
Скурлак сын Смородович,
Со своим он со зятелком со Киршалком.
Сопечалилса-сокручинилса
Солнышко Владимир-князь.
В эту пору, в это времечко
Не было во Киеве богатырей.
Идёт он по городу по Киеву,
Повеся несёт буйну голову,
Потупя держит очи ясные.
Увидала его бабушка-задворенка,
Выбегала ему встрече:
«Здрастуй, солнышко Владимир-князь!
Што ты так запечалилса?»
Князь слово ей не вымолвил.
Обежала она — опять идёт стрету,
И опять здороваецца бабушка-задворенка,
И он опять слову не вымолвил.
Обежала она в третей накбн,
И опять идёт стрету,
И опять здороваецця:
«Здрастуй, солнышко Владимир-князь!
Што ты так запечалилсе,
Што ты так закручинилсе?»
Тогда князь говорит ей таковó слово:
«Как мне не печалитьця,
Как мне не кручинитьця?
Напал на стольне Киев-град
Скурлак сын Смородович

Со своим зятелком со Киршалком.
У его, собаки, силы много-множество,
Впереди его идёт сорок тысячей,
И по праву́ руку его по сорок тысячей,
И по леву́ руку по сорок тысячей,
А позади его, собаки, числа-сметы нет,
А у мя в городе нету защитника».
Говорит тут ему то́гда бабушка-задворенка:
«На царевом на большом ка́баке,
На кружа́ле государеве
Спит-храпит там добрый молодец,
Тот Васенька Игнатъевич».
То́гда солнышко возрадовалсе
И побежал на царев каба́к.
«Здраствуйте, чумаки-человальники!»
Стал он будить доброго молодца на печке на, муравленке:
«Ставай-ка, добрый молодец!
Будет тебе спать, пора вставать:
Напал на стольней Киев-град
Скурла сын Смородович
Со своими со зятем с Киршеком,
У его, собаки, силы много-множество!»
То́гда пробужался добрый молодец:
«Опохмель меня, добра молодца!»
Брал князь чару зеленá вина,
Чару не малу — в полтора́ ведра́.
Брал Васенька единой руко́й,
Выпи́л к еди́ну духу́
И сказал таковы́ слова́:
«Окатило у мя ретиво серце́,
Не звеселило буйну голову».
Подавал князь ему втору́ чару в полтора́ ведра́
И подавал добру мо́лоццу.
Брал Вася единой рукой,
Выпил к еди́ну духу́,
Попросил ещо Вася третью́ чару.
Подал ему солнышко князь третью́ чару.
Брал Вася единой руко́й,
Выпил Васенька к еди́ну духу́.

То́гда соскакивал Васенька со печки, со муравленки,
Попросил он то́гда ту́гой лук и калену́ стрелу́.
Подали ему ту́гой лук и калену́ стрелу́.
Натягивал он свой ту́гой лук,
Налаживал калену́ стрелу́,
И сам стрели́л да наговаривал:
«Ты лети, моя калена стрелá,
Выше лесу тёмного,
Выше лесу стоячего,
Пониже облака ходячего,
Попади Киршеку прямо в правый глаз!»
Полетела его калéна стрела
Выше лесу тёмного,
Ниже облака ходячего,
Попала Киршеку в правой глаз, —
Тут Киршеку и смерть случилася.
Тут сказал Скурла сын Смородович:
«Время мне воротитьцэ от города от Киева,
На кого была надея, того леший взял».
(Всё, боле не знаю!)

(Зап. Астаховой А. М.: 5 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Поздеева Ивана Петровича, 64 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.